

ББК 74.03(2)5

А. А. Соловьев

ЧТЕНИЕ ЖЕНЩИН-КРЕСТЬЯНОК ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Одно из распространенных заблуждений, бытующих в массовом сознании до сих пор, это то, что в конце XIX — начале XX в. в Российской империи крестьяне (а тем более крестьянки) были почти поголовно неграмотными.

Главными источниками наших знаний о читательских интересах женщин-крестьянок выступили сохранившиеся земские опросы сельского населения, а также материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, собранные в конце XIX в., отчеты сельских библиотек и неопубликованные архивные материалы.

Эпоха либеральных реформ Александра II (1860—1870-е гг.) была отмечена отмиранием сложившихся традиций отношения к книге, когда чтение считалось пустой тратой времени и баловством, присущим только привилегированным сословиям. В 1890-е гг. значительно увеличилось число читателей, главным образом за счет крестьян, среди которых книга постепенно перестала быть какой-то диковинной вещью.

Немалую роль в приобщении крестьян к чтению сыграло открытие школ. Появились училища разных типов: церковно-приходские, министерские и другие. Однако самой жизнеспособной оказалась земская школа, которая постепенно охватила значительную часть сельского населения и существенно повлияла на рост уровня грамотности в деревне. Так, численность учащихся в сельских школах страны выросла с 717,8 тыс. человек (1861 г.) до 3 млн 239,3 тыс. (1897 г.), т. е. более чем в 4 раза [1, с. 69].

В результате грамотных крестьян по Российской империи вместо 5—6 % (1860-е гг.) к концу XIX в. было уже 17,4 % [13, с. 36]. Для того чтобы определить, каким образом выглядела Владимирская губерния по уровню грамотности населения в 1897 г., обратимся к рисунку. Из него видно, что в конце XIX в. во Владимирской губернии средний уровень грамотности составлял 27 %. Это был второй показатель среди губерний Верхнего Поволжья (лучше только в Ярославской губернии — 36,2 %) и одиннадцатый — среди губерний Европейской России.

Безусловно, грамотных женщин на селе было гораздо меньше, чем мужчин. Статистики из Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева свидетельствовали, что в конце XIX — начале XX в. во Владимирской губернии «из общего числа прихожан грамотны одна треть мужчин и одна девятая женщин» [2, с. 162].

Грамотность населения Европейской России в 1897 г.*

Однако важен не только рост уровня грамотности крестьянства, но и постепенное, пусть и медленное, изменение отношения к книге в этой среде. Опросы сельских жителей в конце XIX в. подтверждали, что грамотные крестьяне относятся к чтению с любовью и охотой. В особом почете у них книги религиозного содержания. «За их покупку даже безграмотные бабы не ругают», — говорили земские статистики [2, с. 165]. При этом отношение селян к книгам было своеобразное — всё прочитанное в них они считали непреложной истиной.

Следует признать, что в деревнях читал далеко не каждый грамотный, тем более женщина. В приводимых сведениях к числу знающих грамоту, согласно принятым в дореволюционной практике критериям, отнесены малограмотные (т. е. те, кто не окончил полный курс начальной школы и научился лишь читать, но не умел писать), а для них сам процесс чтения часто представлял немалую трудность. Причины того, что крестьянские дети, не доучившись, покидали школу, были разнообразны: 1) необходимость участвовать в домашних работах (помощь в поле, уход за скотом, присмотр за детьми); 2) отсутствие подходящей одежды и обуви; 3) необходимость пополнять семейный бюджет (работа на фабриках или участие в промысловых занятиях); 4) болезнь самих детей или их родителей; 5) обычная лень.

* Сост. по: [14, с. 308].

Нужно учитывать, что обучение в России не являлось обязательным, поэтому родители посылали детей в школу только ради конкретных результатов. Для крестьян посещение школы детьми было настоящей жертвой, т. к. детский труд играл важную роль в домашнем хозяйстве. То, что родители соглашались, тем не менее, отправить детей в школу, означало, что в их глазах начальное образование и грамотность имели ценность. Однако часто крестьянские дети (особенно девочки) так и не попадали в школу. Даже в 1912 г. во Владимирской губернии вне школы оставалось около 50 тыс. детей в возрасте от 9 до 12 лет [16]. Например, в с. Ляхи Меленковского уезда, по свидетельству местных крестьян, на рубеже XIX и XX вв. «школу оканчивали ежегодно 14—16 учеников. Девочек среди них было пять-семь человек» [2, с. 162].

В конце XIX в. многие крестьяне, даже окончившие начальную школу и научившиеся читать, в дальнейшем из-за недостатка книг практически не пользовались этим умением и постепенно забывали грамоту. Ситуация изменилась после открытия сети бесплатных земских читален и создания библиотек для внеклассного чтения при земских и церковно-приходских школах. В 1914 г. во Владимирской губернии существовало 1295 начальных школ всех типов. В 75,5 % из них работали библиотеки для внеклассного чтения [18, с. 120—121]. Поэтому и с рецидивом безграмотности в среде крестьянства в определенной степени удавалось справляться. Данная тенденция касалась и мужчин, и женщин.

Опрос 810 земских учителей в 1910 г. показал, что только 38 человек наблюдали случаи, когда крестьяне, умеющие читать и писать, совершенно забывали грамоту. 15 учителей отмечали, что чаще забывалось письмо, умение же разбирать печатное удерживалось. Некоторые учителя, хотя их среди опрошенных было всего 9 человек, указывали даже на обратное явление на селе. Крестьяне, вышедшие из школы до ее окончания или научившиеся читать и писать дома, не только не забывали грамоты, но приобретали больший навык в письме и особенно в чтении. Замечается это даже относительно женщин, которые, будучи занятыми домашней работой, скорее теряют школьные навыки [7, с. 47].

В целом же книголюбие среди женщин было меньше и грамоту они забывали, безусловно, чаще. Обратимся к опросам тех же земских учителей. Так, один из них, преподававший в Барско-Городищенском училище (Суздальский уезд), сообщал: «Женщины жалуются на то, что забывают писать и почти не разбирают печатного текста». Однако тот же учитель отмечал, что «встречается и обратное явление: навык не пропадает, жизненная же обстановка и обстоятельства заставляют женщину так или иначе укреплять навыки, полученные в школе» [там же].

Таким образом, крестьянки, окончившие начальную школу в конце XIX — начале XX в., как правило, пользовались навыками чтения и письма, пусть и в разной степени, всю свою жизнь, а некоторые из них занимались и самообразованием, прежде всего читая доступные в их деревне или селе книги и периодические издания. Например, в 1910 г. 2,6 % опрошенных земских учителей из Вязниковского, Суздальского и Шуйского уездов отмечали в анкете, что окончившие школу не только не разучивались читать, но старались пополнить свои знания чтением книг дома. Этому особенно способствовали народные библиотеки [7, с. 48].

В то же время существовала достаточно большая категория крестьянок в возрасте 35—40 лет и старше, которые, даже будучи грамотными, редко вы-

краивали минутку для чтения, постепенно забывая буквы и разучиваясь писать. Земские учителя в 1910 г. отмечали, что наблюдались рецидивы безграмотности: «В большинстве случаев — это женщины и пожилые люди, обремененные семейными и хозяйственными работами и заботами... Им уже по 40—50 лет и больше. Некоторые с трудом разбирают буквы, другие совсем не умеют писать. Писать могут только свои имя и фамилию» [там же].

До середины 1890-х гг. крестьяне при наличии свободного пяточка могли лишь купить лубочную книгу у офени-коробейника, а недавние выпускники школ иногда имели возможность обратиться к литературе, находившейся в школьных библиотеках, в которых основную часть фонда составляли учебники.

Во владимирских деревнях, как правило, не было прямой зависимости между материальной обеспеченностью семей и покупкой ими книг. Крестьяне Меленковского уезда свидетельствовали: «Любовь к книгам не зависит от того, какими средствами человек располагает (люди богатые часто книг не имеют). Среди бедных встречаются люди, кто последнюю копейку на книгу не пожалеет». Однако наблюдалось и обратное явление. Так, сельские статистики из Шуйского уезда в конце XIX в. указывали на такую тенденцию: «В зажиточных семьях к покупке книг относятся снисходительно, в семьях со средним достатком этому препятствуют, особенно женщины, которые любовь к книгам считают блажью. В бедных семьях бывает много греха из-за покупки книг; за книгу ценою в пятак бабы житья не дадут (“хочешь читать — проси у людей, али Псалтирь читай”). Меньше ругани бывает из-за пропитого рубля, чем из-за копеечных книг, ибо пьянство считается злом неизбежным, с которым и бороться бесполезно, книги же — блажь» [2, с. 165—166].

Однако подобное отношение к книгам в начале XX в. встречалось всё реже, а женщин-книгоцеев с каждым годом становилось больше. Особенно много любителей почитать было среди девочек и девушек до 18—20 лет. Книжная культура в конце XIX — начале XX в. всё прочнее входила в жизнь российского крестьянина. Ее двигателями были начальные школы, церковь, офени-коробейники, отходники, привозившие в деревню печатную продукцию самого разного характера.

До середины 1890-х гг. главным распространителем книги в сельской местности был офеня (коробейник, ходебщик) со своей лубочной литературой. Офеня являлся не только торговцем, он был для деревни носителем и проводником городской культуры. Селяне обычно бывали рады бродячим продавцам, т. к. от них можно было узнать новости и слухи.

Лубочную книгу как особый комплекс печатной продукции характеризовали следующие признаки: 1) низкая цена (1—5 коп.); 2) небольшой объем; 3) доступность информации, нередко переходящая в примитив; 4) устойчивость сюжетов; 5) откровенная назидательность; 6) специфика оформления.

Самой ранней по времени возникновения разновидностью лубка являлись религиозные книги (Евангелие, Псалтырь, Часослов, Апостол, «Жития», «Почтения» и т. д.). Безусловно, духовно-нравственная литература занимала важное место в репертуаре читательских пристрастий крестьян (особенно старшего поколения). Религиозные книги были наиболее популярными и среди грамотного женского населения. По данным сельских статистиков вырисовывалась

следующая картина читательских предпочтений: «Мужики старше 40 лет и бабы предпочитают душеспасительные книги. Очень уважают крестьяне Новый Завет: “Где ни откроешь, всё гоже. О душе забыли, а Библия напоминает”... У многих крестьян есть в доме Библия, Часослов, Псалтырь, Жития Святых... Книги божественного содержания народ любит. Ни базар, ни офени ничего иного, кроме перечисленных выше книг, не предлагают» [2, с. 164—166].

Важной составляющей лубка являлись авантюрные рыцарские повести и романы в примитивном изложении, проникшие в Россию в XVIII в. Одной из самых известных повестей была «Сказка о Еруслане Лазаревиче». Но в 1890-е гг. популярность подобных произведений во владимирских деревнях и селах заметно снизилась. Хотя крестьяне и в начале XX в. еще продолжали говорить о том, что романы и рассказы лубочного характера особенно нравятся молодежи, т. к. они «страсть заняты». «Рассказы, что пострашнее или пошнее, а также фантастического характера любит только молодежь, — указывали земские статистики, — уже к 30 годам своей жизни крестьянин такие пустяки читать не станет» [2, с. 167].

Интересным для крестьян источником лубочной литературы выступала русская народная сказка (сказки А. Н. Афанасьева на долгие годы обогатили этот вид лубочной книги), а также фольклор в виде песен. Сказками среди владимирских крестьян, естественно, интересовались прежде всего дети. Грамотные матери часто читали сказки для них вслух. Иногда неграмотные крестьянки пожилого возраста рассказывали сказки своим внукам по памяти. В целом же взрослые крестьяне к сказкам относились равнодушно. Из сельских опросов, проведенных в Шуйском уезде, следует: «Взрослые сказок не любят и говорят, что это одно баловство. Считается, что дети зря обувь носят, если в школе задают на дом учить сказки. Сами дети сказки любят, особенно “Снегурочку” и “Спящую красавицу”, но о сказках Пушкина, Жуковского и Толстого не имеют понятия». Похожие ответы крестьян были получены в Суздальском и Меленковском уездах: «Взрослые к сказкам относятся брезгливо, дети — с любовью. Они знакомы со сказкой Пушкина “О попе и его работнике Балде”, но Жуковский даже детям неизвестен» [2, с. 166—167].

Песенники были популярны у молодежи, в том числе у девушек-крестьянок в возрасте до 20 лет. Вот что отмечали в конце XIX — начале XX в. сельские статистики: «Песенник у крестьян можно встретить часто. Хороводные песни знают по традиции, но в последнее время увлекаются песнями, услышанными в городе. Песенники в ходу у молодежи, причем своим песням стали предпочитать публикуемые в песенниках» [2, с. 169].

Русский исторический роман тоже был широко представлен в лубке. Наибольшей популярностью пользовались романы в сокращенном виде. Иногда среди лубков можно было встретить произведения известных авторов: И. Крылова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, В. Жуковского. Публикации книг классиков чаще всего мешало авторское право, т. к. лубочные издатели не хотели тратиться на покупку прав у наследников. Однако и здесь находились обходные пути — переделка произведений.

Несмотря на примитивность подобной литературы, ее популярность долгое время оставалась огромной. В 1894 г. суммарный годовой тираж лубочных

книг составлял 10 млн экземпляров, в конце 1890-х гг. — уже 15 млн [3, с. 6]. Лубочная литература многими крестьянами легко воспринималась на слух, в процессе коллективных чтений в кругу семьи, соседей или отходнической артели. На селе существовала традиция коллективного чтения по воскресным и праздничным дням, а зимой и в будни. Вот как об этом писал один из сельских статистиков Шуйского уезда: «Грамотеи читают повсюду, и вслух и про себя, собирая любителей послушать. Зимой в местную сторожку или школу собираются любители чтения, по 20 человек и более, где местный грамотей читает подобранные священником статьи из книг и газет, обязательно с религиозным или нравственным назиданием... Неграмотные слушают чтение с большим интересом, жалея о том, что не могут ничего сами в книжке прочесть и другим разъяснить». Как правило, 10—15 % среди подобных слушателей составляли любознательные женщины-крестьянки [2, с. 163—164].

В 1890-е гг. правительство активизировало выпуск так называемой литературы для народа, в число которой попали и произведения русских классиков. Однако в сельской местности Владимирской губернии подобные сочинения на рубеже XIX—XX вв. встречались еще очень редко. Из опросов крестьян следовало, что они почти не знали писателей-классиков. «Правда, есть крестьяне, знакомые с книгами Льва Толстого... Известен лишь один дотошный читатель-крестьянин (из Шуйского уезда), который сказал: “Смерть, люблю Гоголя”. Но и он при этом прочел лишь “Ревизора”, “Сорочинскую ярмарку” и “Майскую ночь”, не более того ... Островский неизвестен, как и сама драматическая форма». Взрослые женщины-крестьянки практически не интересовались классическими произведениями. Девушки также чтению сочинений классиков русской литературы предпочитали иные забавы, «считая, что лучше песни петь с девками, если есть свободное время». Девочки — ученицы начальных школ из произведений писателей-классиков в лучшем случае знали несколько сказок А. С. Пушкина и басен И. А. Крылова [2, с. 167].

Владимирские крестьяне почти не читали стихи, предпочитая им прозу. «Их плохо разумеют, — сообщали сельские статистики, — даже при хорошем чтении. Читать стихи народ не любит и не умеет. Исключение в данном случае составляют стихи духовного содержания, которые печатаются в журналах “Кормчий” и “Паломник”. Недооцененными среди владимирских крестьян оказались и поэтические сочинения А. С. Пушкина. Так, крестьяне Суздальского уезда недоумевали: “Ставят в Москве памятник Пушкину, неужто за это одно, что он стихи сочинял? Какая в том заслуга?”» [там же].

В конце 1890-х гг. крестьяне (прежде всего мужчины) всё чаще стали обращаться к книгам по истории. Из опросов крестьян следовало: «Историей интересуются. Более всего — Отечественной войной 1812 г., турецкой войной 1877 г., удачными походами Суворова, Мининым и Пожарским, Скобелевым, Ермаком Тимофеевичем. Однако запросов на знание истории нет, равно как и интереса к другим народам мира» [2, с. 168].

Книг по естествознанию, сельскому хозяйству, медицине, гигиене, географии, астрономии, юриспруденции, общественным наукам селяне либо совсем не читали, либо читали, но в примитивной форме. Хотя интерес к подобной литературе у них был. Так, из опросов крестьян следовало, что «книг по

медицине нет, но разделы “Сельского вестника”, посвященные медицине, читают с охотой и учат баб своих... Путешествиями интересуются, если речь идет о святых местах и монастырях» [2, с. 169].

Ярмарки играли важную роль в экономике и культуре пореформенной России и были еще одним местом приобретения книг для селян. Наряду с другими товарами на ярмарки из Петербурга и особенно из Москвы (после пожара Апраксина двора в Петербурге, где располагались издательства, выпускавшие лубочную литературу) привозились значительные партии книгопечатной продукции, которая раскупалась посетителями. Среди них были и крестьяне, располагавшие деньгами.

Москва занимала монопольное положение в продаже народных изданий. Недаром лубок называли «московским товаром». В Москве, на Никольской улице, находились фирмы лубочных издателей: П. Н. Шарапова, Е. А. Губанова, Г. Т. Бриллиантова, И. А. Морозова, А. И. Манухина, С. И. Леухина («Манухины—Леухины» стали символом низкопробного издателя). Позднее здесь же основал свое книжное дело И. Д. Сытин. Он вспоминал: «Никольский рынок сам творил и сам издавал, сам искал и находил свои, особые пути к полуграмотному деревенскому читателю» [17, с. 85].

На ярмарках даже в конце XIX в. крестьяне Владимирской губернии весьма охотно покупали лубочную литературу. В то же время в крестьянских избах все реже и реже можно было встретить различные книги-предсказания («оракулы»), брошюры, толковавшие сновидения («сонники»), и календари. Вот о чем сообщали земские статистики: «На “Оракулы” и подобные книги “честь сошла”... Им значения не придается... В единственный имеющийся в одной деревне Шуйского уезда “Сонник” заглядывают девушки “ради смеха”» [2, с. 169]. Зато календари продолжали играть большую роль в жизни сельского населения даже в начале XX в. Крестьяне, как мужчины, так и женщины, охотно обращались к ним как к своеобразным справочникам. Подтверждение этому находим в следующих строках, записанных со слов сельских жителей Шуйского и Суздальского уездов: «Календари покупают, но большей частью для справок по церковному делу. Календарь есть почти у каждого грамотного крестьянина. Предпочтительны дешевые календари, но с полными святцами и большим количеством картинок» [там же].

Также важным каналом проникновения книги в деревню были поездки крестьян в город, главным образом для работы (отхожие промыслы). Возвращаясь домой, отходники обычно привозили в семьи «гостинцы», в том числе и печатные издания. Часто крестьяне обменивались книгами, газетами и журналами между собой, давая почитать друг другу. Следует признать, что сельские жители плохо ориентировались в выборе книжного товара. Как правило, селяне в первую очередь старались приобретать книги толстые и по самой низкой цене, естественно, обращая внимания на яркие, красочные картинки на обложках и привлекающие названия. Сельские статистики подтверждали: «Значительным распространением пользуются только книги дешевые, что, впрочем, и следовало ожидать, зная скудость мужицкого бюджета, покупаются брошюры, преимущественно, в 2, 3—10 коп., про Бову, Тараса Черномора и т. п. и Жития Святых» [4, с. 94].

Еще одним каналом проникновения печатного слова на село была выписка периодических изданий. Его, безусловно, нельзя назвать основным. Слишком немногие крестьяне могли себе позволить выписывать газету или журнал. Если это происходило, то часто в результате складчины. Периодика начала проникать в деревню с 1880-х гг., но массовое чтение и слушание чтения газет и журналов в крестьянской среде получило распространение только на рубеже XIX и XX вв.

При выписке периодических изданий главным мотивом для крестьян была их цена, а также рекомендация односельчан. Одной из самых доступных по стоимости для сельских жителей являлась газета «Сельский вестник». «В большом почете находится газета “Сельский вестник”, — утверждали корреспонденты, проводившие опросы в деревнях. — Читают и такие издания, как “Свет”, “Биржевые ведомости”, “Сын Отечества”. Следят при этом за войнами, голодовками, урожаями и особенно за страшными событиями, что случаются в других местах (пожары, воровство, убийства). Пробуждается интерес к вопросам о нуждах народа, к поведению деревенской молодежи» [2, с. 168]. Передовые статьи, фельетоны, как правило, оставались непрочитанными. Любили крестьяне просто рассматривать картинки различных юмористических журналов: «Осколки», «Будильник», «Шут» и т. п. Большое распространение на селе периодические издания (особенно газеты) получили во время русско-японской и Первой мировой войн. Однако женщины-крестьянки мало интересовались газетами и журналами. Основными читателями периодики на селе были мужчины.

Кризис офенского промысла в конце XIX в. был связан с ускоренным строительством железных дорог, по которым необходимый товар (в том числе и книжный) распространялся гораздо быстрее, дешевле, регулярнее и в больших количествах. Поэтому число книжных лавок в провинции в эти годы резко возросло. Такие торговые точки появились даже в деревнях и селах. Однако их насчитывалось крайне мало. Так, во Владимирской губернии в 1911 г. сельских книготорговых заведений было зарегистрировано всего 10, в Покровском уезде имелось 7 таких точек, в Александровском — 2, в Ковровском — 1 [5].

Конечно, не будь в сельской местности распространен офенский лубочный промысел, такое количество стационарных книготорговых заведений не смогло бы удовлетворить запросы крестьян в чтении. Вместе с тем отметим, что книжные лавки и магазины возникали, как правило, в крупных промышленных селах (Орехове, Лежневе и т. п.), которые скорее напоминали фабричные поселки, имевшие некоторые черты городских поселений.

Нужно также подчеркнуть роль земских книжных складов в деле распространения книгопечатной продукции на селе. Во Владимирской губернии первый земский склад был создан только в 1902 г. К 1914 г. он имел свои отделения во всех уездных городах [8, с. 199]. Но не следует преувеличивать возможности подобных складов в приобщении крестьян к печатным изданиям. Хотя, безусловно, они помогали комплектовать сельские земские библиотеки, снабжали учебниками начальные школы, отпускали книги офеням. В конце XIX в. появился особый тип «земских офеней», которые брали товар на этих складах. Среди них числились как профессиональные торговцы, так и учителя, врачи, чиновники, священники.

Распространением книг на селе пытались заниматься и уездные комитеты попечительств о народной трезвости. Однако их деятельность была вялой. Например, во Владимирской губернии комитеты смогли открыть всего 6 книжных складов (в Меленковском уезде — 2, Переславском — 2, Судогодском — 1 и Суздальском — 1). Из них только два находились в сельской местности, т. е. ближе к читателю-крестьянину. К 1915 г. в губернии остался один такой склад, принадлежавший Переславскому уездному комитету. Из него в этом году удалось продать всего 9 книг [12, с. 106].

Точно определить, сколько тратила на печатные издания среднестатистическая крестьянская семья Владимирской губернии, весьма сложно. Как правило, покупка книг и периодики на селе была делом нечастым и случалась далеко не каждый год. Из земских опросов 1890-х гг. в Суздальском и Шуйском уездах следует, что «если крестьянин потратил на книги 30—50 коп. в год, то это много... Самые большие любители чтения имеют книг на 20 руб., но таких пять-десять человек на весь приход. В год любитель тратит на книги от 50 коп. до 1 руб. В обычном случае книг в доме на 1—3 руб., а затраты на книги составляют 20 коп. в год... Есть такие семьи, в которых книги светского содержания годами не только не покупаются, но и не берутся в библиотеке» [2, с. 170]. Для сравнения, на рубеже XIX—XX вв. существовали следующие цены: буханка ржаного хлеба стоила 4 коп., литр молока — 14 коп., килограмм сливочного масла — 1 руб. 20 коп., десяток яиц — 25 коп. Литр подсолнечного масла можно было купить за 40 коп., килограмм говядины — за 45 коп., килограммовый свежий лещ обошелся бы в 24 коп., а кочан капусты весом 1 кг — в 10 коп. На покупку выходной рубахи следовало бы потратить 3 руб., сапог — 5 руб., а гармони — 7 руб. 50 коп. [6, с. 114—115].

С появлением народных земских библиотек на селе гораздо проще стало определить число постоянных читателей среди женщин-крестьянок. Например, отчеты по 21 народной библиотеке Владимирской губернии за 1899 г. зарегистрировали среди подписчиков 932 женщин, что составляло 14 % от общего количества посетителей данных просветительных заведений. Большинство из них были ученицами местных начальных школ и молодыми девушками в возрасте от 15 до 20 лет. При этом в среднем на одну библиотеку приходилось 270 читателей-мужчин и только 44 женщины [10, с. 19—21].

По обследованию 58 народных библиотек в деревнях и селах Владимирской губернии в 1903 г. женщины в среде читателей составляли уже 17 % (2260 человек). Несмотря на то что в количественном отношении они значительно уступали подписчикам-мужчинам, среднестатистическая женщина прочитывала за год 11,4 книги, а мужчина — только 9,3. Наибольшими книгоочемьями являлись работницы сельских фабрик. Они в год в среднем читали по 19 книг. В возрастном отношении основной контингент читательниц на селе составляли девочки и девушки 10—20 лет (75,5 %). После 20 лет спрос на книги у женщин уменьшался вдвое, а к 40 годам часто совсем угасал [11, с. 39—41].

Таким образом, бесспорным нужно признать тот факт, что владимирские крестьяне в конце XIX — начале XX в. читали немало. Необходимость в обще-

нии с книгой на селе была очевидной. Прежде всего это касается молодежи, которая имела возможность получить начальное образование в земских, церковно-приходских и других школах. Так, учительница из Вязниковского уезда в 1901 г. подтверждала, говоря о своих воспитанниках, что «у каждого из учащихся имеется десять, а иногда и более книг, приобретенных на свои средства у коробейников» [15, с. 75]. Типичным крестьянином-книгочеем выступал молодой человек, как правило до 25 лет, и девушка до 20 лет. Большой процент среди читателей составляли дети и подростки. Активных читательниц среди женщин было гораздо меньше. Чаще всего девушки читали до замужества, а затем с головой погружались в рутину семейных дел по воспитанию детей и по хозяйству, часто забывая азы грамоты.

Не следует думать, что старшее поколение крестьян совсем не читало. Просто если молодежь отдавала предпочтение песням, сказкам, историческим и приключенческим повестям, то взрослые — духовно-нравственной литературе. Интересно отношение к религиозным книгам пожилых крестьян (в том числе женщин), которые говорили о подобных изданиях: «Хоть сто раз прочитай, а всё слушать хочется» [2, с. 166]. В целом же по России к 1917 г. в чтении крестьян наметился постепенный переход от изданий религиозных к светским, от житийной литературы к романам и повестям.

Не нужно полагать, что крестьяне читали каждый день и в любое время года. Безусловно, это не так. «Глубокая осень и зима, — говорил один из земских корреспондентов, — вот сезон чтения в деревне. В это время чтение — прямое спасение от гнетущего однообразия впечатлений, от тяжелой картины грязных улиц и часто от бестолкового безделья. Словом, досужего времени для деревенских читателей немного» [19, с. 47]. Отчеты сельских библиотек свидетельствуют, что независимо от пола и возраста более 70 % посещений крестьянами этих заведений приходится на период с октября по март. С апреля (т. е. времени начала полевых сельскохозяйственных работ) количество читателей-крестьян (как мужчин, так и женщин) резко сокращалось, причем в разы [11, с. 44].

Из всех способов распространения книги на селе, о которых шла речь выше, наибольшее значение вплоть до конца XIX в., безусловно, имел офенский промысел. Именно через офеней сельские жители познакомились с лубочной книгой — самой понятной для них по содержанию и доступной по цене. Можно сказать, что коробейник свел крестьян с книгой. Лубочные произведения отвечали духовным запросам селян, были посвящены волновавшим их проблемам. Если раньше весь мир крестьян замыкался в пределах общины, то теперь они осознали себя жителями определенной страны — России. Кроме того, лубочные рассказы сообщали полезные сведения по таким темам, как здоровье, работа, отношения в семье. Они приводили примеры старательности, упорства, энергичности, сообразительности и инициативности, без которых невозможно было достичь успеха, а также показывали ценность школьного образования. Через дешевые лубочные издания грамотные сельские жители получали хотя бы элементарные представления об устройстве природного мира, что приносило им авторитет и уважение среди товарищей. Поэтому следует согла-

ситься с неким книгоношей, который записал в своем «Дневнике»: «В скором времени я отправлюсь разносить свет... Конечно, свет, да свет! Даже в этих Бовах, Ерусланах и милордах и в них есть свет» [9, с. 7].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в деревнях и селах Владимирской губернии все еще сохранялась значительная диспропорция в культуре чтения среди различных гендерных и возрастных групп крестьянского населения. Можно говорить о том, что в это время количество книголюбцев среди женщин-крестьянок было недостаточным, что свидетельствовало об общей незавершенности модернизации Российской империи. Крестьянки, к сожалению, оставались одной из наиболее «отсталых» читательских групп на селе, прежде всего в силу их традиционного мировоззрения. Однако рост числа женщин среди учащейся молодежи способствовал тому, что всё больше и больше крестьянок стали интенсивно читать с целью самообразования и просвещения, постепенно ломая в деревне укоренившиеся столетиями стереотипы.

Библиографический список

1. *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР : (историко-статистические очерки). М. : Статистика, 1964. 195 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб. : Изд-во Европ. Дома, 1993. 472 с.
3. *Вахтерев В. П.* Внешкольное образование народа. М. : Изд-во И. Д. Сытина, 1896. 380 с.
4. Внешкольное образование крестьянского населения Владимирской губернии по сообщению корреспондентов оценочно-экономического отделения Владимирской губернской земской управы // Вестник Владимирского губернского земства. 1899. № 6. С. 93—111.
5. Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 4. Д. 3326. Л. 35.
6. Записки по курсу кулинарной школы. М. : Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1989. 150 с.
7. Исследования относительно рецидива безграмотности и прочности усвоения знаний, даваемых школой // Положение народного образования во Владимирской губернии, 1910 г. Владимир, 1911. Вып. 1. С. 47—52.
8. История книжной торговли / под ред. А. А. Говорова. М. : Книга, 1982. 288 с.
9. Книга и читатель, 1900—1917 : воспоминания и дневники современников / сост. А. И. Рейтблат. М. : РГБ, 1999. 205 с.
10. Народные бесплатные библиотеки-читальни во Владимирской губернии и порядок открытия их при материальной помощи губернского земства. Владимир, 1900. 51 с.
11. Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 г. // Вестник Владимирского губернского земства. 1905. № 7. С. 25—48.
12. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1915 г. Владимир, 1916. 132 с.
13. *Рашин А. Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и XX вв. // Исторические записки. 1951. Вып. 37. С. 34—37.

14. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.) : стат. очерки. М. : Госстатиздат, 1956. 356 с.
15. Свод ответов учителей о выразительном чтении в школах Владимирской губернии // Вестник Владимирского губернского земства. 1901. № 22/23. С. 73—76.
16. Старый Владимирец. 1912. 25 апр.
17. Сытин И. Д. Жизнь для книги. М. : Книга, 1985. 416 с.
18. Текущая статистика по начальным школам Владимирской губернии за 1913—1914 учебный год. Владимир, 1915. Вып. 1. 132 с.
19. Чтение в деревне // Вестник Владимирского губернского земства. 1901. № 9/10. С. 46—48.

ББК 63.3(2)63

Ф. А. Такташева

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (1943 — начало 1950-х гг.)

Великая Отечественная война способствовала увеличению доли женщин в общественно-политическом и социально-экономическом развитии как страны в целом, так и Сталинградской области в частности [9]. Во многом это было связано с особенностями демографической ситуации, сложившейся по окончании боевых действий. Кроме того, острая нехватка организаторских и рабочих кадров привела к массовой мобилизации женщин на производство и в сельское хозяйство для обеспечения фронта всем необходимым в годы войны и скорейшего возрождения экономики в период первой послевоенной пятилетки.

Быстрое возрождение народного хозяйства после войны, и в первую очередь тяжелой промышленности, способствовало увеличению численности населения Сталинграда за счет мобилизации рабочих из других районов страны.

Великая Отечественная война временно остановила рост населения. Была нарушена демографическая динамика. Война изменила ход естественного развития народонаселения — резко сократилась рождаемость и повысилась смертность (см. табл. 1).

Данные таблицы свидетельствуют, что за годы войны уровень рождаемости сократился практически в 5 раз. В 1943 и 1944 гг. отмечался отрицательный естественный прирост населения, что было связано с превышением количества умерших над количеством родившихся в эти годы. И уже после окончания войны происходит постепенный рост числа рождений и сокращение уровня смертности.

Анализ половозрастной структуры населения исследуемого периода выявляет главную особенность — диспропорцию в соотношении полов.